

Наталия Полянская

Пепел ТВОИХ СНОВ

Сборник рассказов

Наталия Полянская

**Пепел твоих снов.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Полянская Н.

Пепел твоих снов. Сборник рассказов / Н. Полянская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834257-8

Семь рассказов и сказок — о волшебстве, о надежде, о том, как поступить в ситуации, из которой, казалось бы, выхода нет. Немного снега, немного новогоднего шампанского, немного страха. Но все равно всё закончится хорошо. Однажды так и будет, мы точно знаем.

ISBN 978-5-44-834257-8

© Полянская Н.
© Издательские решения

Содержание

Пепел твоих снов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пепел твоих снов
Сборник рассказов
Наталья Полянская

© Наталья Полянская, 2016

ISBN 978-5-4483-4257-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пепел твоих снов

– Эй! Приходи в себя!

Мне не хочется идти в себя. Мне так хорошо в сером безвременьи, где нет ничего, даже Я. А главное – там нет мыслей. Но голос (не бывает таких звонких голосов) заставляет меня плавно перетечь в мысль о том, что я не хочу возвращаться... и я возвращаюсь.

Безвременье клочками серого тумана тает по углам (здесь есть углы? Ну да), и я, приоткрыв глаза, вижу, что кто-то создал солнечное утро. Оно льется в распахнутые окна, качает светлые занавески, сияет безоблачной синевой. Эта синева так же пронзительно-нереальна, как и услышанный мною голос.

Я смотрю на того, кто говорил. Это Бо-а-ни. Она стоит рядом с кроватью, смеется и будит меня своим любимым способом: льет из цветастого чайника воду – прямо мне на голову. Заметив, что я пришел в себя, Бо-а-ни улыбается еще шире; искристая струйка застывает в сантиметре от моего лба, помедлив, изгибается и начинает литься вверх. Она плавно обтекает люстру и нацеливается на открытое окно.

Бо-а-ни снова смеется.

– Я знаю, что ты не спишь. Не притворяйся.

– Не буду, – покладисто говорю я. Бо-а-ни надоедает чайник, и струйка рассеивается водяной пылью. Я сажусь на кровати, протираю глаза и зеваю, хотя в этом нет никакой необходимости, равно как и в утре за окном.

Но если у нас не останется этого, то не останется ничего.

Бо-а-ни стоит рядом, тонкая, легкая, и, склонив голову набок, наблюдает за мной с одной ей понятным интересом. У глаз лучатся ниточки-морщинки. Я шнурую старые кеды (они всегда старые, потому что мне так удобно) и поглядываю на девушку снизу вверх. Бо-а-ни размахивает чайником.

– Завтракать будешь?

– Угу, – я подхожу к окну, выглядываю. Мне хочется увидеть улицу – и я вижу ее. Такой, какой желаю. – Куда пойдешь сегодня? К Дядюшке?

– Можно и к нему, – Бо-а-ни вся светится от сдерживаемого нетерпения, – послушай, Че...

Я молча смотрю на нее.

– Я нашла сон. По-настоящему сильный сон.

– Ты ходила туда? – задаю я глупый вопрос.

– Разумеется, – Бо-а-ни хмурится. – Че, ты не рад?

– Рад, – говорю я бесцветным голосом.

Бо-а-ни еще слишком недавно здесь. Она слишком порывиста, восторженна, слишком... жива. Или очень желает казаться такой. Еще не начала уставать от снов, воспринимает их, как потрясающее развлечение, а не как необходимость. Она устанет со временем, пока же – кто я такой, чтобы портить ей радость? Кто такой, чтобы сбрасывать ее маску? Почти настоящую маску. Почти можно поверить.

– Что за сон? – спрашиваю я с поддельным интересом. Бо-а-ни снова расцветает.

– Одиночество.

– Хороший тип, – одобрительно говорю я.

– Мне хочется, чтобы ты пошел туда со мной, – говорит Бо-а-ни, и тон у нее почему-то немного виноватый. Я догадываюсь, почему. Ее беспокоит, что я уже не способен испытывать радость от прогулок по снам.

– А если он не пропустит меня? – в моем голосе звучит сомнение, которого я на самом деле не чувствую. Если честно, мне все равно.

Или нет?

– Я думаю, пропустит, – Бо-а-ни предпочитает не задумываться над еще не возникшими проблемами. Она отбрасывает чайник, тот оборачивается сизым голубем и вылетает в окно, навстречу синеве и ветру.

– Сначала – завтрак, – решительно говорю я.

Мы сидим за столиком в крошечном кафе, которое придумал Дядюшка, и Бо-а-ни с наслаждением уплетает грандиозную порцию мороженого. Она хочет чувствовать вкус – и чувствует.

Зачем ей думать о том, что это всего лишь память...

Я не знаю, кем была раньше Бо-а-ни. Думаю, девочкой из приличной состоятельной семьи, ласковой и доброй девочкой, которую жизнь не успела помять своими грязными жесткими руками. Нет, руки ее жизни были легки и нежны, и никакой грязи под ногтями... Я также не знаю, почему и как Бо-а-ни перешла сюда; не принято спрашивать.

И я не знаю, как ее звали. Имена теряют значение *здесь*. Кое-кто, правда, оставляет их, те же Бессмертные, но им положено, а остальные обычно отбрасывают имена, как шелуху, как старую кожу. Каждый зовется так, как воспринимает себя. Дядюшку, к примеру, можно воспринять только как Дядюшку. Что значит имя Бо-а-ни, я не знаю, но оно – ее. Здесь нам преподнесено в подарок благословение – или проклятие – иногда быть самими собой.

Я называю себя Человеком.

Бо-а-ни сосредоточенно рассматривает ложечку, избегая смотреть на меня. Все те же глупые формальности: мы чувствуем, видим друг друга постоянно, и неважно, открыты или закрыты у нас глаза и есть ли у нас вообще глаза. Но это – один из ритуалов. Мы пытаемся быть людьми.

– Че, скажи... Ты хочешь вернуться назад?

Мне становится неприятно. Назад – это негласно запретная тема. Никто не возвращается назад, невозможно даже оглянуться, потому что едва ты делаешь шаг, дорога за тобой исчезает. Но Бо-а-ни еще не привыкла, что об этом нельзя спрашивать. Я молчу.

– Это ведь можно сделать, правда? – шепчет она. – Хоть как-нибудь?

– Спроси у Бессмертных, – резко говорю я, выхватываю из воздуха уже раскуренную сигарету, делаю несколько затяжек. – Спроси у них, удалось ли кому-нибудь вернуться назад. Даже им.

В глазах Бо-а-ни стоят слезы. Это абсурдно, неправильно: мы не можем ни плакать, ни смеяться, но плачем и смеемся, и *говорим*, и *смотрим*, и... Нам больше ничего не остается делать.

Как можно сойти с ума, если ум – это все, что от тебя осталось?

– Им не удалось, – это полувопрос, полуутверждение. Бо-а-ни знает ответ. Его знают все. Поэтому я снова не отвечаю. Когда у тебя сколько угодно времени на слова, быстро приучаешься молчать. – Но если попытаться...

– Ты можешь пытаться целую вечность, – я смотрю мимо девушки, туда, где плавно переливаются очертания домов. Кто-то запустил в небо стаю белых голубей, и они кружатся, кружатся над крышами, над шпилями и башнями, над улицами, залитыми солнцем. На мгновение мне хочется стать этой стаей. Я могу это сделать. Могу быть ветром и солнечным утром, капелькой растаявшего мороженого на губах Бо-а-ни, воздухом, которого нет. Но это – лишь кратковременное бегство.

А долгое – это сны.

– Идем, – говорю я Бо-а-ни, поднимаюсь, киваю появившемуся в дверях Дядюшке, тот благодушно кивает в ответ. – Веди меня в свой сон.

– Он не мой, ты же знаешь, – тихо говорит Бо-а-ни. Она бредет за мной и смотрит в землю. Любопытно, какой она видит эту мостовую? И мостовая ли у нее под ногами?

– Кто его смотрит?

– Мне кажется, женщина. – Печаль Бо-а-ни тает, девушка берет меня за руку. – Да, женщина. Я случайно набрела на сон: он так глубок, так тих... знаешь, как будто кто-то поет в темной комнате, и темнота гасит звук.

Я киваю – знаю.

– Ей плохо, – говорит Бо-а-ни.

– Одиночество – всегда плохо.

Девушка качает головой.

– Нет...

– Ты легко заходила в сон?

Бо-а-ни загадочно улыбается.

– В него можно зайти как домой. Нет закрытых дверей.

Девочке действительно повезло.

– Тогда веди.

– Закрой глаза, – говорит Бо-а-ни.

В этом нет необходимости, но я подчиняюсь.

Ни взрыва цветных пятен, ни неприятных (или приятных) ощущений – ничего.

Мы стоим на холмистой равнине. Справа от нас – темная масса леса, слева – травы, травы, травы... Над равниной бегут-переливаются грязно-серые облака. Пасмурно и холодно, дует колючий ветер. Бо-а-ни ёжится.

Я смотрю на нее и почти не узнаю, хотя должен бы привыкнуть, это не первый наш совместный сон. Лицо практически не изменилось, только волосы теперь тугими кольцами ложатся на плечи, и исчезает легкость. Я не вижу себя со стороны, но знаю, что изменился тоже. Здесь мы уже не жертвы собственных желаний, здесь действуют законы чужого сна. Но теперь он отчасти и наш.

Мы стоим на холме, и ветер рвет наши темные плащи, и волосы Бо-а-ни спокойно при этом лежат на плечах, как будто ветер властен над нашей одеждой – но не над нами. Я, запрокинув голову, смотрю вверх, на холодное кипение облаков. Мне не нравится это зрелище.

– Бо-а-ни, ты любишь солнце? – спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, начинаю спускаться с холма.

С каждым моим шагом небо теплеет, набухает светом, и наконец яркие лучи пробивают облачный покров, широкими лезвиями рвут его в клочья, и последние лоскуты туч тают за гранями сна. Я уже не иду – я бегу, лечу навстречу распахнувшемуся простору, и сзади слышен свист плаща Бо-а-ни.

Это сон-Одиночество, и мы по молчаливому соглашению играем в полную силу.

Хозяйки сна поблизости нет. Видимо, она пока предпочитает оставаться в стороне; это ее право. Но если мы хотим запомниться, нужно заставить ее принять участие в игре. Я обращаюсь к Бо-а-ни, к ее глазам, к волосам, которые наконец-то растрепал ветер, и улыбаюсь. Это сильный сон, и сейчас мы почти настоящие. Почти живые.

Чего ты хочешь, безмолвно спрашиваю я у Бо-а-ни.

Ветра, говорит Бо-а-ни, ветра. И твоей руки в моей. И головокружительной скачки по этой равнине. И сказки. Хочу волшебства.

Давай сотворим это, говорит моя улыбка.

Давай, соглашается улыбка Бо-а-ни.

Мы соединяем руки, позволяя мыслям втекать друг в друга, и на нас с веселым грохотом обрушивается созданная нами маленькая жизнь.

Мы гоним коней.

– Мы должны найти ее до заката! – кричу я Бо-а-ни. – Иначе не успеем спасти Звезду!

– Может быть, нам просто позвать? – кричит в ответ Бо-а-ни и щурится, глядя на заходящее солнце. – Хотя бы здесь, у камня.

Камень стоит посреди дороги, гладкий, будто обточенный морем, и на нем выбита непонятная надпись. Вокруг – лес. Мы останавливаем лошадей. Сон течет, меняется, и вот уже камня нет, а есть шезлонг, и в шезлонге сидит *она*.

Ей на вид лет сорок, и лицо ее – бесконечно усталое, даже во сне. В темных глазах – агатовые искры, руки нервно стиснули ручки шезлонга. На ней потрепанные джинсы, белая майка с Микки Маусом, кроссовки. Женщина хмурится. Я чувствую, что она боится нас. Еще бы – незнакомые люди в сне-Одиночестве.

– Кто вы? – звучит тихий вопрос.

Мы с Бо-а-ни переглядываемся. Человек, способный задавать осмысленные вопросы во сне, способный адекватно оценить ситуацию – редкость. Обычно волны сна несут людей, как щепку в океане. И редкая щепка начинает интересоваться – почему.

– Мы – дети ветра, – смеется Бо-а-ни. – Идем, Лу. Мы долго искали тебя. Нам надо спасти Звезду.

Лу? Да, я понимаю, – Лу.

Не имя. Всего лишь сочетание чувств. Как я, Человек. Как Бо-а-ни.

Нет времени думать. Я изменяю сон; шезлонг исчезает, и начинает струиться по ветру плащ Лу, и серый конь роет копытом землю.

Бо-а-ни протягивает руку: на ладони, затагнутой в черную кожу, мерцает Звезда.

– Видишь, Лу? Она упала вчера с небосвода. Нужно вернуть ее, пока она не умерла.

– Ей ни в коем случае нельзя умирать, – твердо говорит Лу. Она уже сидит в седле и дергает поводья.

Мы летим.

Я пытаюсь почувствовать Лу. Она – словно камень, монолитна, спокойна и безумно одинока. Мне хочется разбить это одиночество, оно почему-то причиняет мне боль...

Не сейчас об этом. Не сейчас.

Бо-а-ни отдает Звезду Лу. Кони исчезли, мы – на вершине горы, над пропастью, где совершают неторопливую прогулку облака. Солнце зацепилось за острый пик и не спешит уползать за горизонт. Мы сидим на краю, свесив ноги, рыжий локон Бо-а-ни щекочет мне ухо, и Лу говорит:

– Я долго ждала.

Мы настораживаемся. Я – скорее рефлекторно, Бо-а-ни же – с непонятной дрожью.

– Мы тоже долго ждали, Лу, – говорю я и ожидаю, что будет дальше. Но Лу молчит. Зато шепчет Бо-а-ни:

– Всегда будем ждать, Лу. Всегда.

Играет.

Как и я.

– Я хочу умереть, – говорит женщина бесцветным голосом. И я понимаю: да, хочет.

– Не надо, – устало советую я, – в этом нет ничего интересного.

Лу смотрит на меня спокойными глазами; в них колышется темное пламя.

– Откуда ты знаешь, Че?

Не так. Всё не так. Она не должна задавать подобных вопросов. Но кто знает, на что еще способен ее сон-Одиночество?

Я молчу – если бы даже я захотел, то не смог бы ответить.

– Почему, Лу? – спрашивает Бо-а-ни. Женщина качает головой.

– В смерти я не буду одинока.

– Мы... – говорит Бо-а-ни и останавливается. Тот же внутренний запрет.

Солнце отрывается от пика и падает за горизонт. Мягкой волной накатывает теплая тьма. Звезда в руках у Лу разгорается, искрит и просится на небо.

Лу раскрывает ладони и отпускает Звезду. Та по косой уходит вверх и теряется в темноте, вспыхнув на прощание холодной искрой.

Звенит будильник.

С треском, слышным лишь мне и Бо-а-ни, рвутся плащи. Рушатся, беззвучно грохоча, горы, и небо со стоном падает на землю. Лу протягивает руки, и мы на мгновение касаемся ее – а потом поспешно ускользаем из схлопывающегося сна, чтобы оказаться не в оставшемся от него равнодушном пепле, а...

Мы сотворили звездную ночь, и дом, и крыльцо у дома, и себя на крыльце.

– Пока нас помнят, Че, – тихо поет Бо-а-ни. Ее голос струится, плывет хрустальными переливами.

– Она будет помнить нас, – говорю я, рисуя прутиком узоры на песке. Меня тревожит другое; Бо-а-ни же нарочито-беспечна, как всегда здесь. Она боится расплескать свое Я. Хочет и много мыслей спустя оставаться собой. Радоваться снам, творить свой изменчивый мир, с удовольствием доедать последнюю ложку мороженого в кафе, которого не существует. Мы очень разные с ней. Мы можем быть одинаковыми, но я не хочу. Единственное, что нас связывает, – это безумная надежда. Для меня она еле теплится; для Бо-а-ни – горит ярким пламенем. Пока что.

Я шел по тому же пути, что и она. Наверное, я просто боюсь вспоминать.

– Это мой второй сон-Одиночество, – говорит Бо-а-ни. Она сидит, обхватив руками колени, и составляет созвездия. – Первый не был таким... странным. Это обычно для хозяев сна – задавать вопросы?

– Нет, – отвечаю я. Мой опыт хождения по снам-Одиночествам тоже небогат, но я чувствую: что-то не так со сном Лу. Или с нами? – Они просто включаются в игру, вот и все. Мы творим миры и события и дарим их хозяину сна, а он ходит с нами и... ты знаешь.

– Да, – кивает Бо-а-ни. На небо наползают тучи, пожирая созданные ею созвездия. Тучи пригнал я – слишком пасмурно мне сейчас.

Пауза длиною в мысль.

– Послушай, – начинает Бо-а-ни, – а если поговорить с ней? Рассказать ей о нас?

– Ты не сможешь, – отвечаю я равнодушно, но становится больно-тревожно. – Мы даже друг о друге не можем рассказать... себе.

– Нам незачем – мы знаем, – спокойно говорит Бо-а-ни. – Давай попытаемся, Че.

– Зачем? – резко спрашиваю я. Мне не нравится эта идея. Мне страшно. Впервые за долгое время.

– А вдруг... – Бо-а-ни кусает губу.

Я поднимаюсь. Я делаю шаг к Бо-а-ни, и она встает тоже. Я обнимаю ее, сливаются мысли, сливаются чувства... Она думает то же, что и я. Я знаю то же, что и она. Бо-а-ни надеется, отчаянно, до безмолвного крика. Я бью по этой хрупкой надежде молотком.

– Нет, Бо-а-ни, нет. Пойми, не существует пути назад...

– А вперед – существует? – кричит она, вырываясь из моих рук. Я держу ее крепко. – Мы не движемся вперед, Че. Мы застыли в точке, где нет ничего, может быть, даже нас. А мне очень хочется *быть*, Человек. И получается, что позади ничего нет, и впереди тоже нет, и я не хочу, не хочу, чтобы это называлось жизнью и движением вперед...

– Это и не называется жизнью.

Она печально смотрит на меня.

– Все думают, что это жизнь, Че. Не говорят, но думают. Но у жизни всегда есть какой-то смысл. А в чем смысл нашей? Ходить по снам? Творить города и ванильное мороженое? Играть в самих себя?

Я молчу. Я не знаю ответа.

– Мы плачем, Че, хотя не умеем плакать. А я хочу уметь.

По ее щекам ползут слезы. Ненастоящие, созданные слезы. Я вытираю их ладонью.

...И *понимаю*, что я – теперешний – растворяюсь в словах Бо-а-ни. В ее слезах.

– Ты называешься Человеком. Но быть и называться – не одно и то же.

...Я устал быть мыслью.

Я тоже хочу уметь плакать.

– Прости, Че. Я не хотела кричать на тебя.

Не дождавшись ответа, она спрашивает с натянутой улыбкой:

– Я глупая, правда?.. Скажи мне, что я глупая и ничего не понимаю.

– Не буду, – говорю я спокойно. – Ты все понимаешь, Бо-а-ни.

Мы долго молчим об этом, и Бо-а-ни помогает вернуться *мне*.

Это больно и в то же время непонятно, мучительно радостно. Я осторожно извлекаю из кладовок памяти себя – такого, который хотел жить. Который не боялся верить в жизнь. Я с изумлением перебираю себя, стираю пыль, расставляю по полкам.

Сочувствие.

Радость.

Боль.

Сожаление.

Вера.

А потом я очень-очень осторожно беру в руки надежду.

Сон – тот же самый, только на этот раз в нем царит осень и пролегает прямая, как стрела, шоссе-дорога – от края до края.

Мы едем в машине – Лу, я и Бо-а-ни. Веду я. Бо-а-ни сидит рядом, и я чувствую ее беспокойство. Маска наивной девочки пропала окончательно. Мы молчим, верх машины опущен, воздух со свистом проносится мимо, и Лу ничего не спрашивает, а мы не заговорим, пока она не спросит...

– Почему вы пришли снова?

– Нам нужна твоя помощь, – говорит Бо-а-ни.

– Мы хотим знать, почему ты можешь спрашивать, – говорю я.

Мы с Бо-а-ни сердито смотрим друг на друга, и девушка корчит смешную рожицу. Остатки маски.

– Мне больше не с кем говорить, кроме как со снами, – спокойно поясняет Лу. Мой черед ехидно подмигивать Бо-а-ни. Начало *меня*. – Я не могу говорить... когда не сплю.

– От рождения? – неловко интересуется Бо-а-ни.

– Нет. И не только говорить... двигаться тоже. Почти.

Мы не спрашиваем – что дальше.

– И давно? – виновато глядя на Лу, шепчет Бо-а-ни.

– Два года.

Молчим.

Лу наклоняется вперед.

– Вы первые люди, приснившиеся мне в течение двух лет. Я не знаю вас. Вы не можете быть порождениями моего сна. Кто вы?

Я отпускаю руль, и машина летит сама. Поворачиваюсь к Лу.

– Ты научилась говорить со сном, – мой голос обманчиво-равнодушен, – потому, что тебе не с кем было говорить. Что ты еще можешь делать?

– Верить, – отвечает Лу.

Я беру ее за руку. Я говорю так убедительно, как не говорил никогда.

– Нам очень нужно, чтобы ты поверила. Если мы сможем рассказать.

Я смотрю на Бо-а-ни. Вся надежда на то, что она сумеет преодолеть барьер.

Бо-а-ни открывает рот, но не произносит ни слова. Она пытается выдавить из себя хоть звук, но по ушам бьет безмолвие. Я знаю, я пробовал, давно, сказать своей матери... Нет, об этом я подумаю потом. Когда придет время.

По лицу Бо-а-ни градом катятся слезы. Такие мучительные, что они не могут быть ненастоящими. И что-то рвется во мне, трещит по швам, расплзается, как расплзлись пронзенные солнечными лучами тучи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.